

Н.Е. Мазалова

**К.В. ЧИСТОВ — ПЕТЕРБУРЖЕЦ,
ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПОЭТ,
ПЕТЕРБУРГСКИЙ УЧЕНЫЙ**

Биографические факты и автобиографические тексты К.В. Чистова рассматриваются с точки зрения его самоидентификации и репутации как ученого, поэта и петербуржца. Автор проводит некоторые параллели между тем, как строятся тексты петербуржцев о восприятии ими своего города и свидетельства о К.В. Чистове знавших его людей.

Ключевые слова: К.В. Чистов, поэт, ученый, петербуржец, биография, петербургский текст, образы Петербурга.

Natalia E. Mazalova

**K.V. CHISTOV AS THE PETERSBURGER,
ST. PETERSBURG POET,
ST. PETERSBURG SCIENTIST**

The biographic facts about K.V. Chistov and his autobiographical texts are considered in the perspective of his self-identification and reputation as scientist, poet and Petersburg. The author sees some parallels between Petersburgers' texts about their perception of the city and the narratives on K.V. Chistov of the people knowing him.

Keywords: K.V. Chistov, poet, scientist, Petersburg, biography, St. Petersburg text, images of St. Petersburg.

Кирилл Васильевич Чистов — ученый международного уровня, талантливый поэт, сложная многогранная личность. Его биография и научная деятельность не раз становились предметом исследования [Байбурин 2008; Разумова 2011; Тишков 2008; Лойтер 2006 и др.]. Однако вне поля зрения остались некоторые грани его личности: К.В. Чистов — петербуржец, петербургский поэт, петербургский ученый. У Кирилла Васильевича есть стихотворная строка: «Ах, я, наверно, не ученый и, вероятно, не поэт». Но мне кажется, что двойное отрицание следует снять: он и петербургский ученый, и петербургский поэт. Связующим элементом этого триединства является понятие «петербуржец». Его биографический текст тесно связан с мотивами петербургского фольклора и мифологии.

Тема статьи возникла во время опросов, которые я проводила по теме «Современная мифология Петербурга», — в результате сложился образ Петербурга в восприятии горожан в наши дни: это немолодой мужчина (по сравнению с литературой и фольклором XIX в., город «постарел»), мудрый, величественный, ироничный, интеллигентный, интеллектуал, европеец (или русский европеец). О городе говорили почти так же, как говорят о К.В. Чистове его коллеги: «Мне он показался истинным петербуржцем — это проявлялось в поведении, манере говорить, жестах, осанке: некая холодность, чопорность, он соблюдал некую дистанцию» [ПМА 2015; Байбурин]. В настоящее время в науке устоялось мнение о «петербургском типе человека» [Топоров 2009: 6], который сложился в особых условиях и олицетворял уникальную метафизику места [Коротеев 2008].

Для меня и многих моих коллег образ города в значительной мере соотносится с образом Кирилла Васильевича — истинного, или идеального, петербуржца. Одним из механизмов петербургской идентичности является установление сопричастности городу, а в нашем случае образ реального человека ассоциируется с образом Петербурга, который, как отмечает М. Уваров, может быть представлен как город-личность со своей судьбой [Уваров 1993].

С течением времени наши воспоминания о Кирилле Васильевиче нередко утрачивают реальные черты, заменяясь мифологическими. В сознании знавших его людей происходит моделирование биографии и качеств, в какой-то мере осознанно выстраивающихся

по схеме фольклорных произведений, что, вероятно, связано с его профессиональными занятиями фольклористикой [Лойтер 2006]. Сам Кирилл Васильевич сравнивал себя, свой творческий путь с фольклорными жанрами — анекдотом, песней, сказкой [Чистов 2004: 31], в некоторых случаях моделируя свою личность и жизненный путь с использованием мифологических схем.

Начало жизни К.В. Чистова (по его воспоминаниям) можно сравнить с биографией сказочного героя. Само его рождение имеет чудесный характер: через несколько дней после появления на свет мать несла мальчика из госпиталя, и рядом с ними разорвался снаряд, его тетка потом говорила: «Ну, будет солдат, будет воин — боевое крещение получил» [Чистов 2006: 16].

Рождение и детство К.В. Чистова связано с периферией Петербурга — Царским Селом. Как выразилась одна из коллег, Царское Село — это чистый Петербург, без примесей. К.В. Чистов всегда говорил: «Мои корни — детскосельские, царскосельские». Детское Село — его малая родина, именно с ним связана его идентичность. Семья К.В. Чистова по составу совпадает с русско-европейским населением Петербурга: «Я родился и жил до начала войны в Детском Селе, в Пушкине. Мои предки со стороны матери, немцы, петербуржцы, были там с XVIII в. Отец из Ярославской губ. попал позже, он учился в реальном училище Николая II в Царском Селе» [Тишков 2008: 134].

К.В. Чистов родился в 1919 г., через два года после начала революции. Имперский дух Царского Села — резиденции русских императоров — не мог исчезнуть столь быстро. Кирилл Васильевич вспоминал: «В городе было много дворян <...> разной национальности, но, как правило, обрусевших, и много военных (здесь стояли гвардейские полки)» [Тишков 1997].

Для нас Кирилл Васильевич был и остается связующим звеном со старой Россией и прошлым Петербургом (Царским Селом).

Другая особенность Царского Села — это город Муз: он связан с А.С. Пушкиным, Н.М. Карамзиным, А.С. Шишковым, поэтами Серебряного века А.А. Ахматовой, Н.С. Гумилевым, А. Белым и др. Именно здесь происходит приобщение Кирилла Васильевича к поэзии. Позже он вспоминал прелестный эпизод: дети, игравшие у памятника Пушкину-лицейцу, учили его стихи, высеченные на

постаменте, чтобы их похвалили родители; и он был удостоен награды — пирожного, которое вручил ему как особо преуспевающему в этом дьячок из Лицейской церкви. Больше всего К.В. Чистов любил гулять в Екатерининском саду, где сто лет назад «смуглый отрок бродил по аллеям...» (стихотворение А. Ахматовой, посвященное А.С. Пушкину).

Директором гимназии, в которой учился Кирилл Васильевич, за несколько лет до этого был Иннокентий Анненский, в ней же учился поэт Николай Гумилев (чьи африканские коллекции хранятся в Кунсткамере), ставший на всю жизнь одним из самых любимых его поэтов. Его сын, Ефим Кириллович, вспоминал, как отец наизусть читал запрещенное в советское время стихотворение Н. Гумилева «Заблудившийся трамвай». Учительница Кирилла Васильевича знала поэта А. Белого. Выросший в таком литературном окружении, мальчик тоже начинает писать стихи. В одном из поздних стихотворений К.В. Чистова лирический герой, «...листая книгу жизни», описывает «мой город» — Детское Село:

Тут за вокзалом улица — строка,
Кварталы строф, бульварами сонеты,
Поэмы — парки и пруды,
и летом
Синкопы трав предчувствует нога [Чистов 2004: 92].

Эта часть стихотворения — развернутая метафора поэзии, начиная с мельчайших форм — строк — и заканчивая крупными — поэмами. Детское Село предстает как воплощение поэзии.

Взросление К.В. Чистова, так же как героя волшебной сказки, сопровождается недостатчей: объектом «недостачи» выступают знания. В качестве поощрения за стихи, получившие вторую премию в городском детском конкурсе, Кирилл Васильевич попадает в Детский университет (он располагался неподалеку от Исаакиевского собора — одной из доминант центра Петербурга). Тогда в его жизни появляется замечательный человек — С.Я. Маршак, который выступает в роли советчика и помощника. Он сыграл важную роль в определении направления жизненного пути Чистова — выборе профессии. Именно С.Я. Маршак посоветовал Чистову поступать

в Университет на филологический факультет, хотя отец рекомендовал продолжить семейную традицию и стать железнодорожником.

Попробуем проследить перемещения К.В. Чистова в пространстве Ленинграда–Петербурга (рис. 1). Из Детского Села — с периферии, расположенной на юге, от Витебского вокзала юноша движется к центру по Гороховой улице — центральному лучу, исходящему от Адмиралтейства — архитектурного центра города (позже студенческой компанией он постоянно бродил по этой улице), переходит Неву — главную водную артерию, или, как ее еще называют «главный проспект Петербурга», и оказывается на правом берегу, в Университете.

Рис. 1. Места, связанные с жизнью К.В. Чистова, на карте Петербурга

Как показали мои полевые исследования, для современных петербуржцев нет единого центра Петербурга — их несколько: Петропавловская крепость, стрелка Васильевского острова, Невский проспект, Дворцовая площадь, Адмиралтейство с исходящими от него лучами и др. С большей частью этих доминант города связана жизнь и деятельность Чистова, прежде всего — со стрелкой Васильевского острова.

Д.С. Лихачев следующим образом описывал «интеллектуальную топографию» Петербурга: «Четкая “интеллектуальная граница” пролегла в Петербурге в первой четверти XX в. по Большой Неве. По правому берегу, на Васильевском острове, располагались учреждения с традиционной академической научной и художественной направленностью — Академия наук с Пушкинским Домом, Кунсткамерой, Библиотекой Академии наук, Академия художеств, Университет, Бестужевские курсы и... ни одного театра» [Лихачев 1995: 46], а на левом берегу Невы — множество театров, музеев, выставочных залов.

Освоение ценностей (знаний) происходит в ведущем научном центре города — Ленинградском университете. Филологический факультет Ленинградского университета в то время «был уникальным явлением в истории филологического образования в Европе» [Тишков 1997]. Среди его профессоров были В.М. Жирмунский, Б.М. Эйхенбаум, Г.А. Гуковский, Б.В. Томашевский и др. И Кирилл Васильевич, по его словам, с «плебейской яростью» берется за освоение науки. Его главным учителем становится выдающийся фольклорист Марк Константинович Азадовский.

В Университете он получает еще одну ценность — свою суженую: здесь он встречается с будущей женой Беллой Ефимовной, которая станет любовью всей его жизни.

Учебу прерывает война (в рамках фольклорной модели «сказочная» функция — беда). К.В. Чистов воюет в студенческом партизанском отряде, попадает в плен, затем следует побег из плена. Кирилл Васильевич говорит о войне как о втором университете в его жизни. Затем — ликвидация беды: победа народа в войне.

Социологи выделяют понятие «ленинградская идентичность» — сообщество тех, кто пережил блокаду. Войти в эту общность можно только генеалогически — быть потомком пережив-

ших блокаду. Мать К.В. Чистова, которая спешно покинула Пушкин, когда в него входили немцы, прихватив только курсовую работу сына, и его жена, работавшая медсестрой в госпитале, провели войну в осажденном городе в крошечной комнате на Кожевенной линии.

После войны К.В. Чистов возвращается в Ленинград, воссоединяется с суженой и получает диплом о высшем образовании. Вместе с женой, тещей и новорожденным сыном он жил на ул. Куйбышева — неподалеку от Петропавловской крепости, исторического центра Петербурга, у истоков города. В сырой крошечной комнате так тесно, что корзинка с младенцем стоит под столом (теснота и сырость — типичные признаки петербургского текста), Белла Ефимовна заболевает туберкулезом. Советский быт не отличался от дореволюционного, известного по классической литературе.

К.В. Чистов намерен продолжать учебу в аспирантуре на филфаке. Однако снова возникают обстоятельства, препятствующие тому, чтобы наш герой оставался в Ленинграде: «Трудность пути фольклорного героя, — по словам В.Н. Топорова, — постоянное и неотъемлемое свойство; двигаться по пути, преодолевать его уже есть <...> подвижничество со стороны идущего путника, путь <...> строится по линии все возрастающих трудностей и опасностей» [Топоров 1998: 352]. Его учителя М.К. Азадовского обвиняют в космополитизме, отстраняют от работы, Марк Константинович советует Чистову уехать из Петербурга. Снова действует центробежная сила. Так К.В. Чистов оказывается в Петрозаводске — городе, исторически и в научном плане тесно связанном с Петербургом. О жизни К.В. Чистова в этом городе написаны прекрасные воспоминания его петрозаводских коллег [Лойтер 2006].

Этот период жизни К.В. Чистова можно сравнить с жизненным путем былинных героев, основное назначение которых — служение родине (кстати, и по возрасту Кирилл Васильевич приближается к Илье Муромцу — ему около 30 лет). Кирилл Васильевич начинает служение науке, которое становится главным делом его жизни. Как у одного из былинных героев — Микулы Селяниновича, главным в жизни К.В. Чистова были «труд и бой» [Чистов 2004: 69]. По его словам, именно в Петрозаводске он становится ученым. Служе-

ние науке для него — постоянный труд, и нередко — бой: ему приходилось отстаивать свои убеждения, бороться за коллег и учеников. Перефразируя высказывание родственницы К.В. Чистова, его можно назвать «воином науки».

Даже ежедневный труд он воспринимал как служение. Однажды я стала свидетелем следующей сцены. Зайдя в Институт этнографии вслед за Кириллом Васильевичем, я увидела, как он, поздоровавшись, прошел мимо новой вахтерши. Она закричала: «Куда Вы?» На это Кирилл Васильевич несколько разгневанно ответил: «Я здесь служу».

Живя в Петрозаводске, он постоянно бывает в Ленинграде, работает в библиотеках, а в 1950 г. защищает кандидатскую диссертацию в Педагогическом институте. В начале 60-х К.В. Чистова приглашают на работу в Московскую часть Института этнографии — заведовать отделом восточнославянской этнографии. Он снимал там жилье и готов был остаться в Москве, однако бытовые обстоятельства помешали этому, и Кирилл Васильевич возвращается в Ленинград, теперь уже навсегда. Кажется, что город не отпустил К.В. Чистова. Теперь траекторию его жизненного пути определяют центростремительные силы.

Он до конца жизни работает в Кунсткамере — колыбели русской науки. У Кирилла Васильевича, как у фольклорного героя, достижение цели на жизненном пути «влечет за собой повышение ранга в социально-мифологическом или сакральном статусе, <...> его освоение, достижение его сокровенных ценностей» [Топоров 1998: 353]. Именно здесь К.В. Чистов становится признанным ученым с мировым именем.

Поначалу Кирилл Васильевич живет на севере Ленинграда в небольшой квартире в одной из пятиэтажек, специально построенной для сотрудников Академии наук. Нужно сказать, что Кирилл Васильевич не любил новые районы Ленинграда. У него есть стихотворение «Бежит из Петербурга Ленинград», в котором он называет жителей этих районов «туристами».

В 1977 г. К.В. Чистов переезжает на ул. Дзержинского (Гороховую ул.) — тот самый центральный луч, по которому он ходил в Университет. Этот район чрезвычайно насыщен сюжетами петербургской мифологии. Среди петербуржцев бытуют мифологизиро-

ванные околонучные представления о геологическом разломе, проходящем под Сенной площадью, и якобы благодаря этому здесь царит необычайно творческая обстановка. Здесь жили Ф.М. Достоевский, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, А.Н. Апухтин. И в научной жизни Кирилла Васильевича этот период был чрезвычайно продуктивным. Живет семья Чистовых в типичной петербургской квартире с комнатами неправильной формы — такие часто описывал Ф.М. Достоевский. Напротив дома расположена так называемая Ротонда — одно из мистических мест Петербурга. По легендам, в этом доме была масонская ложа, позже в расположенном здесь трактире бывал Г. Распутин. Многие петербуржцы верят, что в Ротонде есть выход в иное измерение. Она была очень популярна в советское время — здесь бывали рок-музыканты В. Цой, Б. Гребенщиков и др. Кирилл Васильевич знал легенды, связанные с Ротондой, и рассказывал их сыновьям.

В 1989 г. семья Кирилла Васильевича переезжает на Кронверкскую ул., на Петроградскую сторону (совсем недалеко от исторического центра города, его истоков — Петропавловской крепости), в знаменитый дом Бенуа. Здесь жили Д. Шостакович, художники Маковский, Кибрик, революционеры и советские деятели — самый знаменитый из них Киров, ученые Н.П. Бехтерева, М.С. Нейман и др. По словам одной из моих коллег, эта квартира «была в пору Кириллу Васильевичу» [ПМА 2015]. Здесь, наконец, у него появился отдельный письменный стол: антикварный, подаренный родственником.

Как сказал его сын, Ю.К. Чистов, для Кирилла Васильевича — главное, чтобы был его стол и книги. Квартира Кирилла Васильевича — типичная для ленинградского (петербургского) интеллигента, равнодушного к материальным ценностям, заставленная стеллажами с книгами, в его квартире долго не было телевизора (рис. 2).

В ответе на один из вопросов, заданных в рамках проведенного мной опроса по идентичности петербуржцев (ее лингвистическим, ментальным, бытовым особенностям), прозвучала следующая характеристика петербуржца: «Образованный, владеющий литературным языком, причем отчасти сохраняющий особенности старопетербургского произношения (*что*, а не *што*, булочная, а не *булошная*, музэй, возможно, отсутствие *иканья* в безударных

Рис. 2. Стол К.В. Чистова в отделе этнографии восточных славян в Кунсткамере. Фото автора

словах и т.д.). Живущий в большой квартире в центре, <...> просторной, с высокими потолками <...> с большой библиотекой и старой мебелью. Человек, который не только знает Петербург, но и любит водить знакомых по родным местам, владеет в том числе и мифологией» [ПМА 2015]. Одной из особенностей речи Чистова как истинного петербуржца было произношение э твердо: *эсли*.

Любовь к городу была присуща К.В. Чистову. Эта особенность нашла отражение в его поэзии. Некоторые из его стихов, несомненно, следует отнести к «петербургскому тексту»: «Бежит из Петербурга Ленинград», «Годы войны» и др. Об этом свидетельствует не только «петербургская тема», но особая роль городского пейзажа, специфическое эмоциональное отношение к городу, образ героя, «живущего, мыслящего и страдающего» в Петербурге [Томашевский 1961: 410].

Мне представляется чрезвычайно показательным с точки зрения принадлежности к «петербургскому тексту» стихотворение «Осень лихая пуста». Вид, описанный в этом стихотворении,

Рис. 3. Адмиралтейство. Фото автора

открывается из окон кабинета Кунсткамеры, где работал Кирилл Васильевич (рис. 3):

Осень лихая пуста.
Солнце устало.
Деревья расхристаны.
И пароходы теснятся у пристани.
Знать, неспроста...
Прыгает ветер на город с моста,
С крышами что-то никак не управится,
И острова ему тоже не нравятся,
Знать, неспроста...
Стынет, словно считает до ста,
Словно под маскою в день операции
Адмиралтейство... [Чистов 2004: 84].

Это стихотворение обладает признаками, которые позволяют отнести его к «петербургскому тексту»: это и природные объекты, характерные для Петербурга, — «лихая осень», «усталое солнце», ветер, прыгающий на город. Хотя в нем нет обозначения цвета, сти-

хотворение очень живописно, в нем преобладают черно-серые краски — это графика (часто именно в этом жанре изображается Петербург, например, на гравюрах Добужинского). Как и в других произведениях, входящих в «петербургский текст», в нем отражено двоевластие природы и культуры. Еще чрезвычайно важный признак — ощущение тревоги, надвигающегося наводнения, напоминание об эсхатологическом мифе о конце города. Отметим, что до строительства дамбы Кунсткамеру постоянно затапливало во время наводнений, сотрудники каждый раз переносили вещи — музейные коллекции — из подвалов наверх.

В другом стихотворении — «Мост и река...» — мысль, воплощенная в тексте, сравнивается с отражением моста в реке. Гармоничное сочетание природы и культуры, так же как мыслительного процесса и отражения его в письменной форме, может быть нарушено вторжением стихийного начала: «Присвистнет ветер — быть беде» [Чистов 2004: 49], однако в итоге гармония побеждает хаос:

И снова мост
И отраженьё
Моста в спокойной глуби вод,
И снова мысли напряженьё
В спокойных оттисках живет [Там же].

Большую часть жизни К.В. Чистов сочетал научную деятельность и поэтическую: он писал, что не знает, кто он сегодня — поэт или ученый: «...на мне всегда двойная тень» [Там же: 97].

Отличительная особенность К.В. Чистова как ученого заключается в том, что многие разрабатываемые им новаторские направления со временем становились классическими и приобретали черты фундаментальных. Прежде всего это относится к изучению социально-утопических легенд, несказочной прозы, которую в то время в науке не считали самостоятельным жанром фольклора. Этот жанр фольклора К.В. Чистов открыл как «новый фольклорный текст». Намеченные им направления плодотворно разрабатываются в этнографии и фольклористике и в наши дни — эсхатология, футурология. Особенность петербургской культуры заключается в том, что она носит академический, классический характер.

То же самое можно сказать об исследовании вторичных форм фольклора, которое К.В. Чистов проводил еще в ранних работах, например в статье, посвященной устным рассказам о девушках-партизанках, и впоследствии в известном сборнике «Преодоление рабства. Фольклор и язык “остарбайтеров”. 1942–1944». Кирилл Васильевич был способен к восприятию нового — новых идей и направлений. На юбилее Кирилла Васильевича прозвучала частушка, сочиненная то ли Т.А. Бернштам, то ли Г.Г. Шаповаловой:

— Подружка моя, не из наших ли местов
этот самый именинник по прозвищу Чистов?
— Подружка моя, он — контаминация,
по простому говоря, культурная новация

[ПМА 2015: Васильева].

Что касается научно-организационной деятельности, то Кирилл Васильевич исполнял роль помощника, советчика, которую когда-то для него выполнили С.Я. Маршак и М.К. Азадовский. Многие его ученики и коллеги отмечали, что он «был петербургским ученым — наставником, который всегда шел рядом, не вмешиваясь» [ПМА 2015]. Он, как и его учитель М.К. Азадовский и В.Я. Пропп, продолжил традицию так называемых «петербургских университетов» [ПМА 2015: Некрылова]: ученики часто бывали у него дома, именно здесь обсуждая с ним свои будущие статьи и монографии. К.В. Чистов был редактором моей книги «Состав человеческий: традиционные соматические представления русских», и я помню, как обсуждала с ним книгу за чаем в его квартире.

Для Кирилла Васильевича — ученого была характерна энциклопедичность знаний, «европейскость», основанная на ценностях просвещения, открытости к другим культурам, толерантности, стремлении к свободе и справедливости.

Если до сих пор мы говорили о горизонтальной траектории жизненного пути К.В. Чистова в пространстве Петербурга, то теперь обратим внимание на то, что существует еще и вертикальный путь, стезя исключительных личностей. Е. Водолазкин отметил эту особенность, описывая биографию Д.С. Лихачева: «...будучи

христианином, Дмитрий Сергеевич рассматривал свой путь как движение вертикальное, как дорогу к небесной родине» [Вололазкин 2014: 159]. К.В. Чистов не был верующим человеком, но он был исключительной личностью, и его вертикальный путь можно сравнить с «движением вверх» мифологических персонажей — шамана, героя, поэта. Многие коллеги называли такую особенность Кирилла Васильевича, как способность находиться *над...*, — некоторые даже показывали жестами (над разными научными теориями, над конфликтами в коллективе), зачастую ему удавалось примирить непримиримое: «На заседаниях отдела он занимал позицию верховного судьи — над схваткой» [ПМА 2015: Байбурин]. С этим связана способность действовать как *Deus ex machine* («бог из машины») в безысходных, казалось бы, ситуациях — коллеги даже сравнивали его с Зевсом. Так, в Российском этнографическом музее в 1970-е годы сложилась непростая ситуация: его из-за «низкого научного уровня» (как решили где-то наверху) собирались присоединить либо к Кунсткамере, либо к Русскому музею. Но тут появляется Кирилл Васильевич с книгой Ю.В. Бромлея «Очерки теории этноса», которую молодые сотрудники начинают изучать на семинаре. Научный уровень повысился, музей сохранился. Многие из коллег говорили о направляющей роли К.В. Чистова: «Он вывел меня <...> на этот регион, направление», и потом оказывалось, что оно стало определяющим в их жизни.

Образ К.В. Чистова «*над...*» соотносится и с образом Петербурга — фантастического города над бездной — и его демиургом, Медным всадником. Слияние путей — в горизонтальной и вертикальной плоскостях — позволяет представить К.В. Чистова как фундаментальную личность в Российской академии наук, его потенциал используется современными и будет использоваться будущими исследователями. В этом и заключается его роль как представителя петербургской науки.

Закономерно, что местом его упокоения стал Комаровский некрополь — место, где похоронены знаменитые художники, поэты, ученые — лучшие представители петербургской интеллигенции. Путь К.В. Чистова, который начинался на юге Санкт-Петербурга, в Детском Селе, закончился в соответствии с мифологическими представлениями о загробном мире на северо-западе.

Источник

ПМА 2015 — Полевые материалы автора. Интервью с А.К. Байбуриным, А.Ф. Некрыловой, Е.Е. Васильевой.

Библиография

Байбурин А.К. Кирилл Васильевич Чистов // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 499–503.

Водолазкин Е. Дом и остров, или Инструмент языка. М.: АСТ, 2014. 384 с.

Коротеев С.В. Этнос Петербурга: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2008. 178 с.

Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. 519 с.

Лойтер С.М. Коллеги говорят о К.В.Чистове // Забывать и стыдиться нечего...: Воспоминания / [лит. обраб., ред. и прим. Т.Г. Ивановой и Ю.К. Чистова]. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 207–208.

Разумова И.А. Линия жизни ученого-фольклориста в автобиографической проекции // Фольклор и этнография. К девяностолетию со дня рождения К.В. Чистова: сб. науч. ст. / Отв. ред. А.К. Байбурин, Т.Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 8–14.

Тишков 1997 — С К.В. Чистовым беседует В.А. Тишков [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://valerytishkov.ru/cntnt/besedy_s_u/chistov.html.

Тишков 2008 — Наука и жизнь. Разговоры с этнографами / В.А. Тишков. СПб.: Алетейя, 2008. 176 с.

Токуаки Баннай. К.В. Чистов и русская фольклористика советского периода // Фольклор и этнография: К девяностолетию со дня рождения К.В. Чистова. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 22–30.

Томашевский Б.В. Пушкин: Материалы к монографии (1824–1837). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Кн. 2. 575 с.

Топоров В.Н. Путь // Мифы народов мира: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Большая российская энциклопедия; Олимп, 1998. Т. 2: К–Я. 719 с.

Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Наука, 2009. 820 с.

Уваров М. Метафизика смерти в образах Петербурга // Метафизика Петербурга. СПб.: ФНИЦ «Эйдос», 1993. С. 122–123.

Чистов К. Осенний полдень: Стихотворения разных лет. СПб.: Изд-во «Лема», 2004. 103 с.

Чистов К.В. Забывать и стыдиться нечего...: Воспоминания / [лит. обраб., ред. и прим. Т.Г. Ивановой и Ю.К. Чистова]. СПб.: МАЭ РАН, 2006. 240 с.

References

Baiburin A.K. Kirill Vasil'evich Chistov. Antropologicheskii forum, 2008, no. 8. Pp. 499–503.

Vodolazkin E. Dom i ostrov, ili Instrument iazyka. Moscow: AST, St.-Petersburg, 2014. 384 p.

Koroteev S.V. Etos Peterburga: dis. ... kand. filos. nauk. St.-Petersburg, 2008. 178 p.

Likhachev D.S. Vospominaniia. St.-Petersburg: Logos, 1995. 519 p.

Loiter S.M. Kollegi govoriat o K.V.Chistove In Zabyvat' i stydit'sia nechego...: Vospominaniia / [lit. obrab., red. i prim. T.G. Ivanovoi i Iu.K. Chistova]. St.-Petersburg: MAE RAN, 2006. Pp. 207–208.

Razumova I.A. Liniia zhizni uchenogo-fol'klorista v avtobiograficheskoi proektsii. Fol'klor i etnografiia: K devianostoletiiu so dnia rozhdeniia K.V. Chistova. Otv. red. A.K. Baiburin, T.B. Shchepanskaia. St.-Petersburg: MAE RAN, 2011. Pp. 8–14.

S K.V. Chistovym beseduet V.A. Tishkov. Tishkov V.A. Nauka i zhizn'. Razgovory s etnografami. St.-Petersburg: Aleteiia, 2008. 176 p.

Tokuaki Bannai. K.V. Chistov i russkaia fol'kloristika sovetskogo perioda In Fol'klor i etnografiia: K devianostoletiiu so dnia rozhdeniia K.V. Chistova. St.-Petersburg: MAE RAN, 2011. Pp. 22–30.

Tomashevskii B.V. Pushkin: Materialy k monografii (1824–1837). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1961. Vol. 2. 575 p.

Toporov V.N. Put'. Mify narodov mira: Vol. 1–2. Ed. S.A. Tokarev. Moscow: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia; Olimp, 1998. Vol. 2: K–Ia. 719 p.

Toporov V.N. Peterburgskii tekst russkoi literatury: Izbrannye trudy. St.-Peterburg: Nauka, 2009. 820 p.

Uvarov M. Metafizika smerti v obrazakh Peterburga Metafizika Peterburga. St.-Petersburg: FNITs «Eidos», 1993. Pp. 122–123.

Chistov K. Osennii polden': Stikhotvoreniia raznykh let. St.-Petersburg: Izd-vo "Lema", 2004. 103 p.

Chistov K.V. Zabyvat' i stydit'sia nechego...: Vospominaniia / [lit. obrab., red. i prim. T.G. Ivanovoi i Iu.K. Chistova]. St.-Petersburg: MAE RAN, 2006. 240 p.